

Виктория Шнайдер  
Екатерина Мелкова



Кедровый Бор

Мужик,  
*с которым я*  
пустила корни

The poster features a man and a woman in a forest setting. The man, with a beard and wearing a dark jacket, has his arm around the woman. The woman has long brown hair and is wearing a green jacket with a pine cone patch. In the background, there are mountains, a construction site with an excavator, and a wooden sign that reads 'Кедровый Бор' (Kedrovyy Bor) with a pine cone icon. The title 'Мужик, с которым я пустила корни' is written in large, stylized letters at the bottom.

# **Виктория Шнайдер Екатерина Мелкова Мужик, с которым я пустила корни**

*<https://litres.ru/74554199>*

*SelfPub; 2026*

## **Аннотация**

Она — столичный архитектор, бегущая от предательства. Он — суровый таёжный Лесник, защищающий свой край от браконьеров. Когда Ангелина приезжает в глухое урочище за вековыми кедрами, она не ждёт, что окажется в эпицентре опасной схватки и запретной страсти. Кирилл укроет от бури, согреет в лютый мороз и встанет на её защиту. Но сможет ли она довериться ему после измены? Их ждут пожары, погони и спасение бесценных деревьев. А в финале — любовь, путившая вечные корни.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Четыре тонны над головой | 5  |
| Глава 2. Живи, маленький          | 13 |
| Глава 3. Хозяин зимовья           | 23 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 30 |

# **Виктория Шнайдер Мужик, с которым я пустила корни**

Мужик, с которым я пустила корни

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

# Глава 1. Четыре тонны над головой

Я вытолкнула тяжелую дверь пикапа и ступила на открытую бетонную эстакаду. Изящные городские ботильоны утонули в чавкающем рыжем суглинке, подол бежевого дизайнерского тренча облепило ледяной грязью. Октябрьский ливень вперемешку со снежной крупой хлестал в лицо с такой слепой яростью, будто Саянские горы с первой секунды вознамерились вышвырнуть меня вон.

Здесь, в глухом таежном урочище Подкаменное, за двести верст от ближайшей железнодорожной станции и привычной столичной жизни, мои московские титулы и архитектурные награды остались на бумаге. От меня требовалось вывезти живые деревья, а я пока с трудом вытягивала каблуки из грязи. В морозном разреженном воздухе стоял густой, сизый дизельный выхлоп, смешанный с одуряющим, первозданным духом содранной кедровой коры, раздавленной хвои и прелого сырого торфа. Земля под ногами мелко и натужно дрожала от басовитого утробного гула тяжелой техники.

На краю площадки тяжело замер старенький автокран «Ивановец». На его выдвинутой телескопической стреле, опасно покачиваясь в пяти метрах над полуприцепом, висела семиметровая голубая саянская ель. Ее монолитный корневой ком, туго затянутый в растрепанную мешковину, весил четыре тонны. На отгрузку первого транша из двадцати

вековых крупномеров для столичного нацпарка «Сибирская Корона» мне было отпущено тридцать шесть часов, большая часть которых уже ушла на дорогу. Если этот эшелон сорвется — столичный куратор Вадим Николаевич Казанцев с холодным торжеством разорвет договор, похоронив под миллионными неустойками и мою карьеру, и этот уникальный таежный питомник.

Я направила фонарь на строповочный узел, вглядываясь сквозь хлещущие струи:

— Стоп подъем! — закричала я во весь голос, срывая связки сквозь рев дизеля и свист ветра. — Опустить груз на настил! Немедленно!

Пожилой стропальщик в засаленной брезентовой телогрейке лишь раздраженно сплюнул табачную жвачку прямо в глинистую жижу под сапогами:

— Не учи отцов, девка! Сто раз так грузили, тайга тебе не московский паркет! Натягом встанет! Вира, Егорыч!

— Куда выше?! — я шагнула к стропальщику; ледяная вода захлюпала в ботильоне. — Груз перекошен! Опускайте, пока стропы держат!

Стрела автокрана вздрогнула. Машинист начал опускать груз, нервно дернул рычаг, пытаясь выправить крен на весу. Земляной ком качнулся и врезался в борт платформы. Одна из строп на острой кромке натянулась струной. Из нее полезли оборванные проволоки.

— Стропа рвется! Все назад! — закричала я и бросилась

к машинисту, размахивая обеими руками.

Каблук сорвался на глине. Я ударилась коленями о бетон, ладонь скользнула в ледяную лужу. Стрела пошла вниз — машинист наконец опускал груз. Ком уже коснулся настила, когда стропа лопнула с сухим, оглушительным хлопком. Борт прогнулся, выстрелил обломком доски. Земля посыпалась из мешковины тяжелыми глыбами. Вторая стропа натянулась, удержала ком у края, но ствол развернулся. Темная громада кроны пошла на меня.

Я пыталась отползти. Колено пронзило болью, пальцы скребли по мокрым плитам, а еловые лапы закрывали прожекторы одну за другой. На миг я увидела капли смолы на сломанном сучке — прямо перед глазами. Втиснула голову в плечи, прижала к груди планшет. Из горла вырвался чужой, тонкий звук.

Сквозь снежную круговерть метнулась могучая тень. Кирилл Лесников схватил меня за ворот и под мышку, рывком оттащил за колеса тягача. Мои ботильоны прочертили по бетону две грязные полосы. Ель ударила кроной в борт за нашей спиной. Толстая верхняя ветвь хлестнула Кирилла по плечу — я услышала его сдавленный выдох. Он прижал меня к колесу, заслонил спиной от хвои и летящих сучьев. Я оказалась между холодной резиной и его грудью; над ухом трещало дерево, а он держал меня так крепко, что я наконец смогла вдохнуть.

Затрещала парусина штормовки. Кирилл пошатнулся, са-

поги пропороли суглинок. Он удержался, упершись здоровой рукой в борт. В сантиметрах от моего лица дрожали колючие, истекающие смолой лапы.

— Ком застопорить! — прохрипел он, сплевывая кровь из прикушенной губы. — Клин под край!

Ком сползал с настила, уцелевшая стропила дрожала струной. Стропальщик тащил домкрат, ругался на скользящий под сапогами шланг. Я оставила планшет у колеса и выскочила из укрытия. У отбойника валялись дубовый обрезок и лом. Схватила брус, протасщила к краю платформы и подбила ломом под ком. Дуб закрипел, в ладони ударила отдача. Я стиснула рычаг сильнее:

— Домкрат сюда! — крикнула я. — Под брус! Живо!

Мужики завели домкрат, подложили еще два бруска. Ель замерла на подпорках. Кирилл тяжело осел на одно колено, прижимая ладонь к ушибленному плечу.

— Кирилл! Ты жив?! Где болит?!

Я присела рядом с ним, поскользнулась на глине. Кирилл здоровой рукой перехватил меня за талию и притянул к себе.

Сквозь промокший тренч я всем телом ощутила живое, обжигающее тепло его сильного тела. У моего уха тяжело колотилось его сердце, и я жадно слушала каждый удар: живой. От его парусиновой штормовки густо и терпко пахло сосновой живицей, мокрой хвоей, машинным маслом и горячим мужским потом. Серые, цвета грозового неба глаза смотрели на меня в упор с такой обжигающей глубиной, что дыхание

перехватило.

— Живой я, архитектор, — низкий, рокочущий бас вибрировал у самого моего уха. — А вот ты едва в лепешку не расшиблась. Шустрая больно... Кто тебя только в тайгу пустил такую бедовую?

Смущение и сладкий женский трепет обожгли мне щеки жарче любого огня. Я судорожно вздохнула, пытаюсь обрести равновесие, но его широкая ладонь на моей талии задержалась еще на миг — властно, бережно, укрывая от непогоды.

— Пусти, Лесников... Надо ком смотреть. Если треснул — дереву конец.

Он осторожно помог мне подняться. Джут на корневом коме был разорван, суглинок осыпался, обнажив тонкие всасывающие корешки на ледяном ветру.

— Ком порвало, — мрачно обронил стропальщик. — На дрова только. Москва такое не примет.

— Молчать! — оборвала я его, падая на колени прямо в грязь перед растерзанным комом.

Дрожащими от холода пальцами я отогнула мешковину, щедро опрыскала обнаженные корешки увлажняющим составом. Земля в середине кома держалась, на сломе виднелись светлые живые ткани.

— Основная часть корней цела! Пострадала периферия! Подайте бандаж из геотекстиля и раствор гумата калия! Стянуть ремнями. Мы спасем ее, слышите?! Она будет жить!

На обветренном лице Кирилла проступило неподдельное

изумление, сменившееся теплой, уважительной улыбкой:

— Слышали, мужики? Раствор сюда, текстиль живо. Барышня дело говорит. Жива елка.

Рабочие засуетились. Я подняла оставленный у колеса планшет, попыталась встать. Колени задрожали от пережитого шока, и он выскользнул из пальцев. Кирилл поймал его у самой земли одним скупым движением, заботливо стер грязь с экрана тыльной стороной рукавицы и протянул мне, на мгновение накрыв мои озябшие ладони своими горячими пальцами:

— Хватит дрожать, Ангелина Юрьевна. Ты сегодня кран от верной беды спасла. И меня прикрыла. Теперь слушай мою команду: кран в ремонт, остальное грузим пересадчиком. А тебе пора согреться. Михалыч, неси взвар!

Взвар я пила на ходу, пока рабочие закрепляли спасенную ель. Затем Кирилл повел меня к пересадчику.

К полуночи температура рухнула ниже нуля, ледяной дождь окончательно перешел в яростный буран. Мы перебазировались на нижнюю делянку сектора елей. Здесь ревел дизелем наш главный технологический козырь — гусеничный пересадчик «Оптимал-2500». На его массивной стреле крепилась раскрытая круглая пасть из четырех полукруглых ножей-лопат из закаленной стали, охватывавших корневой ком вместе с землей.

За рычагами сидел Кирилл. Налипающий мокрый снег залеплял смотровые стекла, раскисшая глина под тяжестью

тридцатитонной машины поползла в дренажный ров, и правая гусеница опасно соскальзывала в приямок.

Я включила лазерный нивелир и вскинула оранжевые флажки, шагая по бровке траншеи:

— Кирилл! Прими влево на полметра! Под правым бортом плывун, бери на скальный выступ!

Кирилл поймал зеленый луч; грунтозацепы вгрызлись в каменистую кромку, машина выровнялась в идеальный горизонт. Стрела опустилась. Четыре лезвия синхронно врезались в мерзлый грунт вокруг дерева. Полметра, метр... Вдруг ночную тьму разорвал дикий, визгливый скрежет металла о камень. Машину затрясло, стрелка манометра зашкалила за триста двадцать бар. Гидронасос завыл, в кабине замигала красная лампа.

— Глуши дизель! — в панике заорал механик Михалыч. — Ножи в скале заклинило! Штоки погнет, гидромотор разорвет к чертям!

— Сначала снимите нагрузку с ножа! — крикнула я в радио. — Я вижу, где его зажало!

Мужики принесли лом и кувалду, остановились у трапа.

— Лом сюда! — я протянула ладонь. — Вон трещина под ножом!

Кирилл остановил машину. Я спустилась к краю траншеи, увязая по колено в ледяной жиже. Тонкий луч фонаря выхватил серый кристаллический блеск скрытой гранитной жилы плитняка прямо под правым лезвием.

— Кирилл! Здесь плита! Чуть подними правый нож, потом я выбью камень!

Я отошла, Кирилл приподнял нож и снова остановил механизм. Из-под лезвия хлынула мутная вода, показался край плиты. Я вогнала лом в трещину, уперлась подошвой в камень и навалилась на рычаг. Металл давил в ладони, колени саднило после падения. Кирилл подсвечивал из кабины, ждал моего знака. Я перехватила лом ниже, потянула всем весом. Обломок вывернулся с треском, вода залепила мне лицо. Я выплюнула глину, выбралась на бровку и вскинула ладонь: свободно! За стеклом Кирилл поднял большой палец. Его улыбку я разглядела даже сквозь налипший снег.

Ножи пошли в землю. Вдруг под капотом хлопнуло: у соединения гидролинии вырвалась струя горячего масла. Она ударила в защитный кожух, забрызгала ветровое стекло. Машина замерла с комом в полуметре над землей.

Кирилл опустил ком обратно на грунт, заглушил дизель и выскочил из кабины. Масло еще сочилось по кожуху.

— Кирилл, осторожно, не лезь под струю! — закричала я с трапа. При покупке машины я разбиралась в ее регламенте. — Остаточное давление! Сброс на сервисной панели!

Кирилл открыл сброс, Михалыч проверил манометр и только тогда снял кожух. На стыке трубки лопнуло уплотнение. Запасной комплект лежал в ящике под сиденьем, но масло стекало на горячий металл.

## Глава 2. Живи, маленький

Я сорвала с шеи свой плотный шерстяной шарф, напитала его ледяной снежной жижей под трапом и бросила Кириллу: — Держи! Подложи под муфту, соберем масло!

Кирилл уложил шарф под трубку. Масло пропитало шерсть, потекло по складкам. Михалыч вытащил лопнувшее уплотнение, поставил новое, а я подсвечивала им фонарем. Луч прыгал — от холода тряслись пальцы. Кирилл прижал мой локоть к своему боку, удержал свет на соединении. Муфта туго шла по резьбе, рукавицы скользили по металлу.

— Подержи ключ, Ангелина, — попросил Кирилл. Я вцепилась в вороток, пока Михалыч затягивал соединение.

Мое плечо вжалось в его грудь, поверх моих озябших пальцев легла его ладонь. Мы удерживали трубку от проворота, и я чувствовала, как он бережет ушибленную сторону. Михалыч убрал ключ, вытер муфту, долил масло в бак. Кирилл запустил дизель на холостых. Соединение осталось сухим.

Кирилл дал пробную нагрузку. Манометр удержался в рабочей зоне. Ножи сомкнулись под корнями, и пятитонный ком поднялся из земли.

Рабочие без сил опустились на тюки джута прямо в снег. Михалыч тяжело кашлял:

— Пальцев не чую, мороз давит. Надо глушить дизели до

утра, Кирилл, иначе сляжем на делянке.

— До утра потеряем часы! — я открыла планшет с прогнозом. — Ударит минус семь, корка схватится. Работаем посменно: одна смена греется, другая копает. Я остаюсь до последнего дерева!

Кирилл посмотрел на меня с нескрываемым, обжигающим восхищением и повернулся к артели:

— Слышали архитектора? Сама в жиге стоит, а про смены помнит. Михалыч, заводи второй трактор! До рассвета делянка наша!

Пока грелась первая смена, я вспомнила про дальний сектор. Там еще оставались растения для альпийских горок.

В третьем часу ночи, во время пересменки, мы с Кириллом взяли мощные ручные фонари и пошли проверить дальний сектор кедрового стланика — реликтовых карликовых хвойников у скального обрыва. Мне требовалось лично оценить влажность их прикорневого слоя перед утренней выкопкой для альпийских горок парка.

Мы двигались вдоль узкого каменистого карниза. Первозданная таежная тишина нарушалась лишь скрипом наста. Вдруг Кирилл резко замер и опустил тяжелую руку мне на плечо:

— Смотри под ноги.

На сыром мху чернел глубокий, рваный след широкопрофильных шин тяжелого трелевочного лесовоза, грубо срезавший межу питомника. Кирилл опустился на колено, кос-

нулся пальцем зазубренного протектора; желваки на его скулах побелели:

— Похоже, лесовоз Хряща. У его «Урала» с лебедкой такой протектор. Снег след едва припорошил... Вынюхивают, где кедрач погуще.

В этот миг из густых колючих зарослей стланика у самого обрыва донесся жалобный, захлебывающийся писк живого существа. Звук был полон такой отчаянной смертной муки, что у меня похолодело внутри.

— Там кто-то погибает! — я бросилась сквозь кустарник.

— Ангелина, стой, обрыв!

Мокрая хвоя хлестала по лицу. Под ногой зашатался камень, галька посыпалась в расщелину. Я вскинула руки, фонарь черкнул светом по черной глубине. Кирилл схватил меня за ворот, прижал к скале. На миг я повисла на его руке, подошва искала опору в пустоте. Он подтянул меня ближе, поставил мою ступню на уступ и помог перешагнуть провал. Я вцепилась в его рукав, слыша, как внизу все еще стучат камни:

— Не беги вслепую. Тайга спешки не прощает.

Я направила луч фонаря в расселину между валунами. Там, обезумев от боли, бился молодой темно-соболиный зверек с роскошным шоколадным мехом. Его задняя лапка была намертво захлестнута тонкой стальной браконьерской петлей-удавкой. Хищник шипел, скалил белые зубы и бросался на свет.

Кирилл стянул шерстяную шапку и накрыл ею голову соболя. Зверек затих, только бока мелко ходили:

— Браконьерская петля на соболя. Держи его, Ангелина, я перережу тросик.

Он достал складной нож, попробовал подцепить петлю. Тросик впился глубже, соболек дернулся и обмяк.

— Стой, лапу порежешь! — я достала из поясной сумки садовые кусачки. Кирилл удерживал петлю, пока я подвела к тросику губки. Я стиснула рукоятки обеими руками. Сталь щелкнула.

Лапка освободилась, но соболек на широкой ладони Кирилла лежал без движения, с запрокинутой головкой.

— Опоздали?.. — глухо выговорил Кирилл, и в голосе этого сильного мужчины прозвучала такая острая, почти детская боль, что слезы обожгли мне глаза.

— Нет! Живи, маленький! — я сдвинула шапку. Под пальцами едва ощутимо вздрогнули ребра. — Дышит, Кирилл! Давай в тепло!

Кирилл завернул зверька в шапку и расстегнул мой тренч. Я прижала к себе маленький сверток, укрыла полой.

— Живи, пострел... — шепнул он.

У самого сердца завозились лапки. Соболек приоткрыл глаза и ткнулся носом в шерсть шапки. Я поправила ткань, оставляя ему воздух, и прижала сверток к груди.

— Ожил... — с благоговейным трепетом выдохнула я. — Настоящий кедровый боец. Будет Кедриком.

— Кедрик... — эхом повторил Кирилл, и его теплая рука на мгновение накрыла мои пальцы. — Живой талисман нашего леса. Спасибо, Ангелина... Ты чудо сотворила.

Кирилл достал из походной аптечки стерильную салфетку и прикрыл содранную лапку. — Утром ветеринару позвоню. Пока в доме оставим.

Тут я заметила на кусте белый пластиковый ярлык. Сняла его и показала Кириллу. Это была номерная лесорубочная бирка с клеймом лесозаготовительной компании «Тайга-Экспорт» и факсимиле главаря — Григория Хрящева.

Кулаки Кирилла сжались с такой силой, что побелели костяшки:

— Хрящ... Его шакалы ставят петли в нашем маточнике. Я возьму карабин и лично переломая ему хребет!

— Остановись, Кирилл! — я обеими руками вцепилась в его плечо, заглядывая прямо в пылающие яростью глаза. — Не пачкай руки об эту падаль! У меня в руках их номерная бирка с клеймом. Завтра утром она ляжет на стол природоохранного прокурора вместе с нашими координатами. Мы сотрем их в порошок законом, а не тюрьмой для тебя! Слышишь?! Законом!

Кирилл долго смотрел мне в глаза, и гнев в его лице сменился глубоким, изумленным признанием:

— В тебе воли больше, чем в десятке мужиков, Ангелина. Пошли, эшелон ждет.

Мы отнесли Кедрика в теплую контору. Дежурный достал

коробку, выстлал байкой. Я опустила в нее шапку со зверьком и задержала ладонь над маленькой спиной: ребра поднимались, опускались. Кирилл коснулся моего затылка, тихо сказал: «Дышит». Я кивнула и только тогда смогла уйти. По дороге на эстакаду все оглядывалась на светящееся окно.

К четырем часам утра буран достиг свирепости урагана. Все двадцать вековых исполинов лежали на лафетах приемной эстакады. К помосту с ревом подошли три тяжелых тягача «Урал» с многоосными тралами. До закрытия погрузочного окна на станции оставалось десять часов.

— На упаковку комов! — командовал Михалыч.

Но шквал сорвал защитный полог со склада. Промокшие рулоны джута обледенели; рабочие пытались размотать их и рвали слипшиеся слои.

— Джут замерз намертво! — крикнул стропальщик.

— Михалыч! — крикнула я. — Тепловую пушку сюда! Поставим за брезентом, пустим теплый воздух на рулоны!

Мы разложили рулоны перед потоком теплого воздуха. Через четверть часа наружные слои оттаяли. Их разматывали и сразу пускали в работу.

— Теперь сетка! — я спрыгнула к первому пятитонному кому.

Тонкая сетка расходилась на поврежденных краях комов.

— Упаковываем двойным перекрестным корсетом! Используем талрепные винтовые стяжки из монтажного запаса!

Сетка легла на земляной ком монолитным бронежилетом,

намертво стянутая стальными винтами. Манипулятор поднял ком над платформой, но один край упаковки зацепился за борт. Груз накренился.

— Стоп! — Кирилл махнул машинисту. Когда груз замер, он с борта подтолкнул ломом демпферный мат под накренившийся угол. Ком опустили на подкладки; я осмотрела сетку и землю — бандаж держал.

Мы работали как единый часовой механизм. Но когда двенадцатое дерево уже заняло место, шквал вырвал кабель мачты освещения. Прожекторы погасли. Михалыч выключил питание на щите, крикнул всем отойти от провода. Во тьме над платформой висел двадцатый кедр; скрипела стрела, машинист удерживал груз на месте. Я видела только мокрую хвою, черневшую на фоне снега.

Я бросилась к служебному внедорожнику, завела мотор, развернула машину на пяточке и врубила дальний свет фар вместе с мощной светодиодной люстрой на крыше. Сноп белого света залил платформу полуприцепа ярче солнца.

— Майнай по лучу! — крикнула я из окна.

Кедр плавно встал на деревянные подкладки. Я взбежала на платформу к Кириллу. В этот миг стальной замковый натяжитель сорвался с проушины, рассек Кириллу рукав куртки и заклинил на излом.

— Держи рычаг! — крикнул он, удерживая замок окровавленной рукой.

Я перехватила рычаг, уперлась коленями в борт и всем

весом навалилась на эксцентрик вместе с ним. Мои волосы коснулись его щеки, горячее плечо обожгло сквозь ткань. Раздался металлический щелчок — замок встал в паз! Цепь стянула груз. Михалыч подал салфетку из аптечки. Кирилл вытер кровь с предплечья, прикрыл порез и закрепил повязку, пока я проверяла натяжение остальных цепей.

Тут к нам подбежал бригадир автоколонны:

— Ангелина Юрьевна! Не проходит согласованный габарит! Кроны торчат на три метра сорок! Сопровождение ждет груз до трех метров, нас завернут! Надо два дерева сгружать!

— Никаких сгружать! — отрезала я. — Если транш некомплектен — контракт аннулируют!

Я открыла планшет, сверила схему погрузки:

— Слушать команду! Переставляем комы по схеме «шахматная елочка»! Первый ком — к левому борту под углом пятнадцать градусов, второй — к правому со смещением на полтора метра вперед! Ветви нижнего яруса войдут в промежутки между соседними кронами! Только подайте мягкие стяжки!

Кирилл оценил решение мгновенно:

— По местам! Дай смещение!

Сначала разгрузили мешавшие комы. Затем за полчаса переставили их по новой схеме. Кроны мягко сомкнулись, поддерживая друг друга, а габаритная ширина уменьшилась на полметра, идеально вписавшись в норматив! Все двадцать крупномеров встали в строй!

— Все двадцать на борту! — победно крикнул Михалыч.  
— Тралы готовы к выходу!

Дежурный принес из конторы сухой полушубок Кирилла. Тот сдернул мокрую штормовку, осторожно просунул ушибленную руку в рукав овчины. Обернулся ко мне, потянул за край моего тренча: «Пойдем уже греться, архитектор». Я кивнула, но еще держалась за борт, глядя на уложенные кроны.

Дизели трех тяжелых «Уралов» взревели, выбрасывая в небо клубы дыма. Первый транш был спасен.

Я медленно спустилась по обледенелым ступенькам на землю. Напряжение дороги и ночной работы отпустило, и в ту же секунду на меня обрушился ледяной холод. Промокшая одежда превратилась в звенящий панцирь. Зубы застучали непрерывной дробью, пальцы онемели. В глазах потемнело. Спазм сковал дыхание, колени подогнулись, и я начала оседать в мерзлую колею, теряя сознание от истощения и переохлаждения.

Кирилл успел подхватить меня под спину и колени. Земля ушла вниз, голова беспомощно качнулась к его плечу.

Я с трудом приоткрыла веки. Надо мной склонялось взволнованное, суровое лицо Кирилла. Он распахнул полы своего сухого овчинного полушубка, прижал мое дрожащее тело к широкой, пылающей груди, укрывая от ветра. У двери конторы дежурный передал ему сверток с Кедриком. Кирилл уложил шапку со зверьком мне под полу, и я прижала

ее подбородком.

— Михалыч! — прогремел над эстакадой властный голос Кирилла. — Колонну к отстойнику у Чертова моста! Ждать рассвета! А я забираю Ангелину в зимовье! Ее трясет, сейчас в тепло, пока сознание держится! Шагом марш!

Он шел широко, выбирая твердые места между колеями. Сквозь полузабытье я чувствовала, как сухое, обжигающее тепло его тела растапливает лед моей одежды, даря пьянящее чувство защиты. Впереди, сквозь метель, мерцало маленькое оконце таежного зимовья, из трубы которого вился спасительный березовый дым. Кирилл толкнул дверь плечом. Меня качнуло к нему, и я слабо вцепилась в ворот полушубка: только бы он сейчас меня не отпустил.

## Глава 3. Хозяин зимовья

Кирилл захлопнул за нами тяжелую дверь пятистенка. Рев саянского бурана оборвался; с мокрых волос мне на шею упала холодная капля. Кирилл опустил массивный дубовый засов в кованые пазы, и в горнице воцарилась густая, спасительная тишина.

В лицо ударил сухой, бархатный жар чугунной буржуйки. Воздух в избе был напоен ароматами смородинового листа, чабреца под матицей, березового дыма и кедровой стружки. На мне таяла ледяная корка. Вода сочилась под одежду, и новый озноб скручивал меня даже здесь, у печи. Зубы стучали, пальцы побелели и одеревенели.

Кирилл поставил меня на войлочный коврик у порога. Я попыталась стянуть с плеч мокрый тренч, но ткань цеплялась за кофту. Меня колотило так, что сводило челюсти.

— погоди, не рви ткань, — негромко произнес Кирилл.

Он придержал за локоть, высвободил рукав и осторожно потянул ткань вниз:

— Руку опусти, Ангелина. Вот так. Сейчас лед отпустит.

Он снял тренч и бросил в таз у порога. Я едва успела перехватить сверток с собольком: Кедрик сонно моргнул черными глазками и снова спрятал нос в шапке.

Я попыталась шагнуть к печи. Правую икру скрутило судорогой, в глазах вспыхнули темные искры, и нога подогну-

лась.

Вскрик застрял у меня в горле. Я полетела вниз, на неструганные сосновые плахи пола.

Кирилл подхватил меня за талию. Я повисла на его здоровой руке, судорожно прижимая к себе Кедрика.

Вбитый годами столичный рефлекс дистанции и независимости сработал мгновенно: я уперлась свободной ладонью в его широкую грудь, пытаюсь отстраниться:

— Я сама... Поставь меня, пожалуйста!

Левая нога тоже подламывалась, ступни внутри размокших ботильонов онемели. Кирилл удерживал меня, хмурясь от боли в плече. Посмотрел в глаза:

— Хватит воевать, Ангелина. В тайге гордыня стоит жизни. Здесь ты в безопасности. Доверься мне.

От его низкого голоса у меня дрогнули губы. Я перестала сопротивляться и обмякла в его руках. Кирилл усадил меня на липовую лавку в тепле, подальше от раскаленного бока печи. Стащил с ног ботильоны и мокрые чулки.

Ступни были белыми, как мрамор, и ледяными на ощупь.

— Сиди смирно, я за сухими дровами, — бросил он и вышел в сени.

Порыв бурана рванул створку за его спиной. Я дотянулась до края двери и удерживала ее, пока Кирилл возвращался с охапкой березовых поленьев. Когда он переступил порог, потянула дверь на себя.

Он сбросил дрова у печи, задвинул щеколду и с уважи-

тельным прищуром посмотрел на меня:

— Боец. Даже на одной ноге оборону держишь.

Кирилл достал из шкафчика сухое полотенце и шерстяные носки. Опустился передо мной, положил мои ноги на свои бедра и промокнул влагу. Затем укутал ступни полотенцем, накрыл ладонями.

Я смотрела на его большие ладони поверх полотенца. На костяшках темнели мелкие ссадины, у ногтя осталась полоска масла. Совсем недавно эти руки управляли тяжелой машиной, а теперь так осторожно согревали меня. Кирилл придерживал мои пятки на своем колене, разглаживал ткань у щиколоток. Я ощущала тепло даже сквозь полотенце и ловила себя на желании, чтобы он задержал пальцы еще на миг. Постепенно ступни закололо. Я вздохнула, расправляя сведенные плечи, и перестала прятать от него взгляд.

— Ну как? — негромко спросил он, заглядывая мне в лицо.

— Колется.

— Хорошо. Подождем еще немного.

Мокрая блузка под кофтой липла к лопаткам, вызывая новый приступ озноба. Мне нужно было переодеться, но мучительный стыд сковал язык: как обнажиться перед чужим мужчиной в одной комнате?

Кирилл поднялся, заметив, как я одергиваю мокрую кофту. Подошел к вешалке, снял длинный овчинный тулуп и задернул плотную холщовую занавеску в углу:

— Скидывай все сырое за ширму, Ангелина. Тулуп дедовский, чистый, теплый. Я смотрю в огонь.

Я торопливо сбросила мокрую одежду за перегородкой и закуталась в овчину. Меха щекотал шею. Я прижала ладони под мышками и впервые за эту ночь смогла глубоко вдохнуть.

Когда я вышла, полы тулупа волочились по полу, путаясь в ногах, а голова кружилась от накотившей слабости. Кирилл бережно поддержал меня под локоть, усадил к кедровому столу, поставил под ноги войлочную колобашку и придвинул тяжелую глиняную кружку, от которой поднимался ароматный пар:

— Пей мелкими глотками. Тут чага, смородиновый лист и саянский золотой корень. Отогреешься — и сил прибавится.

Я сделала глоток обжигающего, терпкого отвара, чувствуя, как внутри распускается живое золотое тепло.

Кирилл проверил, просохли ли мои вещи, и вернулся к сковороде. Я осталась сидеть с кружкой в ладонях.

В топке потрескивали дрова. Пахло жареной картошкой с луком и сушеными белыми грибами. В картонном коробке на краю стола посапывал Кедрик. Кирилл переложил его туда вместе с шапкой и укрыл байкой.

Чувствуя себя неловко в роли барыни, я попыталась встать со скамьи, чтобы помочь с хлебом. Но длинные полы тулупа распахнулись, обнажив голое колено. Я вспыхнула до корней волос и судорожно запахнула овчину. Кирилл подо-

шел, мягко положил тяжелую ладонь мне на плечо, заставляя сесть обратно:

— Сиди, гостья. На моей кухне командует хозяин. Твоя задача сегодня — отогреться.

Я послушно опустила на лавку, пряча смущенную улыбку: впервые в жизни мне было искренне приятно подчиниться чужой сильной заботе.

— Я сейчас соленья из прируба принесу, — Кирилл взял фонарь и вышел в холодный бревенчатый ледник за сеньями.

Сквозняк пронесся по сеньям, тяжелая дверь прируба захлопнулась. Нижний край врезался в наледь на пороге. Я услышала, как Кирилл толкнул ее изнутри, потом еще раз — дерево скрипело, створка оставалась на месте.

— Кирилл! — крикнула я, подбегая к сеньям.

— Заело намертво, Ангелина! — донесся глухой голос из-за толстых плах. — Наледь под порогом вспучило, коробку перекосило! В углу у дровника пешня стоит, поддень косяк снизу у скобы!

Я выскочила в сени босиком. Холодный настил обжег ступни, полы тулупа путались у пяток. Кирилл снова ударил в дверь — я схватила пешню у дровника, вогнала жало под ледяной валик. Железо скользнуло. Я переставила его ближе к скобе, прижала черенок к груди и навалилась всем телом. — Еще раз, Кирилл! Сейчас! Он толкнул дверь здоровым плечом. Лед хрустнул, пешня ушла глубже, створка со скрипом распахнулась. Я едва успела отступить, крепко держась

за черенок.

На пороге стоял Кирилл с берестяным туеском в руках. Оглядев меня, он с тревогой и теплотой покачал головой:

— Шустрая ты, архитектор. На ледяной пол босиком выскочила... А ну живо к печке!

Он вернулся в горницу следом, задвинул засов и поставил на стол дымящуюся чугунную сковороду. Золотистая картошка шкворчала на топленом масле, перемешанная с мясистыми ломтиками боровиков.

— В Москве я после шести не ем, тем более жареное на масле, — попыталась слабо возразить я, глядя на деревянную ложку.

— А здесь мороз и ночная вахта на ветру, — усмехнулся Кирилл в бороду. — Твоему телу нужно топливо. Ешь, не обижай хозяина.

Я зачерпнула горячую картофелину с грибом. От первого же кусочка во рту взорвался такой невероятный, сочный лесной вкус, что столичные диетические догмы мгновенно рассыпались в прах.

Затем Кирилл открыл туесок. Наколот на деревянную вилочку хрустящий, упругий соленый груздь, густо политый деревенской сметаной, и осторожно поднес к моим губам:

— Попробуй. Засолка моей матери — на смородиновом листе с вишневым прутом.

Я приняла гриб с его руки. Плотная мякоть со смолистым чесночным холодком и нежнейшей сметаной дарила такой

гастрономический восторг, что я зажмурилась от наслаждения.

Закончив ужин, я перевела взгляд на дощатые полки в углу. Там стояли фундаментальные тома Тимирязевской академии, монографии по почвоведению и лесоводству на немецком языке:

— Ты и по-немецки читаешь? — Я провела пальцем по корешку. — Кирилл, почему ты остался здесь, среди болот и тайги?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.